

**ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ**

С. П. Белавин

**Институт социальной и политической психологии Национальной академии
педагогических наук Украины, г. Киев, Украина**

**THE FACTOR STRUCTURE OF SOCIAL PERCEPTION ETHNO-LINGUISTIC
COMMUNITIES' REPRESENTATIVES**

S. Belavin

**Institute of Social and Political Psychology National Academy of Pedagogical
Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine**

Summary. The social psychological characteristics of the perception of others by the representatives of ethno-linguistic communities are analyzed at the article. The attention is focused on the inter-ethnic, which restructure in modern Ukraine. The factor structure of social perception ethno-linguistic communities' representatives is represented and analyzed.

Key words: ethno-linguistic communities; inter-ethnic interaction; social perception.

Рост научного интереса социальной психологии к вопросам межэтнических отношений находит отражение в разработке ряда проблем: социальная психология общности, её место в системе межэтнических отношений [1, с. 7], межличностное и межгрупповое восприятие, в частности в сфере взаимосвязи национальной идентичности и языка [1, с. 2–3], феноменология этнических стереотипов в пространстве межэтнических отношений [4, с. 5], социально-психологические процессы и механизмы социальной перцепции [6, с. 10].

Социальная перцепция в них выступает как регулятор общения и структуры восприятия «других» людей и групп: восприятие контекста ситуации, отражение, интерпретация, оценка в ней себя и «другого».

Ф. Тённис определяет общность как объединение людей, основанное на позитивных отношениях и представляющее собою «реальную органичную жизнь» [7]. Обобщая, В. А. Васютинский определяет общность как относительно большую номинально-реальную социальную группу при наличии общего субъективно значимого признака (референтность) для критического большинства носителей [1]. Этнолингвистические общности вполне логично выделяются по двум критериям принадлежности: этнической и языковой.

Задачей настоящего исследования является определение социально-психологических характеристик восприятия «других» представителями этнолингвистических общностей современной Украины.

Для математической обработки данных использовался программный пакет SPSS 20.0. В статье приводятся только достоверные результаты.

Для осуществления факторного анализа и сравнения факторной структуры социальной перцепции в этнолингвистических общностях из общего количества исследуемых (529 чел.) методом случайного отбора были сформированы 5 групп по признакам языка, который они предпочитают в неформальном общении, и принадлежности к определённой этнической общности: русскоязычные русские (РУС. РУС.) – 48 респондентов; русскоязычные украинцы (УКР. РУС.) – 75 респондентов; украиноязычные украинцы (УКР. УКР.) – 62 респондента; татароязычные крымские татары (ТАТ. ТАТ.) – 50 респондентов; русскоязычные крымские татары (ТАТ. РУС.) – 80 респондентов. Выборочная совокупность исследуемых составила 315 человек с относительно равным распределением по половому признаку. Респондентами стали студенты университетов городов Украины: Киева, Симферополя, Чернигова, Бердянска.

Основу батареи тестовых методик составили: методика диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии И. М. Юсупова [8, с. 153–156], методика диагностики личностной установки «альтруизм-эгоизм» [8, с. 23–24], методика диагностики

мотиваторов социально-психологической активности личности [8, с. 94–95], методика диагностики принятия других (*по шкале Фейя*) [8, с. 157–158], методика диагностики мотивов аффилиации (*А. Мехрабиан*) [8, с. 95–98], методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна [9, с. 635–636].

В результате факторного анализа данных было выделено 7 факторов. Суммарная дисперсия составила 54,244 %, а первые 25 % дисперсии охватывают 3 наиболее нагруженных фактора. Для проверки применимости факторного анализа данной выборки был использован критерий адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (0,728) и критерий сферичности Бартлетта – 0,000, что определяет нормальность распределения переменных.

Первый фактор «коммуникативная вовлечённость» (объясняет 11,699 % дисперсии) включает следующие признаки: «Я легко осваиваюсь в новом коллективе» (0,788), «Обычно я легко общаюсь с незнакомыми людьми» (0,750), «Оказавшись на новом месте, я быстро приобретаю широкий круг знакомых» (0,749). Они указывают на коммуникативность как способ оптимизации социального взаимодействия; определяют базовую потребность, готовность и способность к общению, к специфическим способам обмена информацией, которые проявляются в особенностях восприятия других, категоризации, формах поведения.

Во второй фактор «экспектация одобрения» (объясняет 8,866 % дисперсии) вошли следующие признаки: «У меня хорошие отношения с коллегами по работе» (0,741), «Я хочу знать, насколько хорошо я выполнил то или иное задание в действительности» (0,665), «Открытые эмоциональные люди привлекают меня больше, чем мрачные и сосредоточенные» (0,656). Эти признаки указывают на потребность в одобрении и уважении, в привлечении одобрительного внимания «своих», на ощущение собственной недостаточности, обидчивости, тревожности, связанной со страхом отвержения или страхом новой ситуации и контактов с новыми людьми. Чрезмерная впечатлительность, вероятно, является барьером в коммуникациях с «другими».

Третий фактор, получивший название «интимизация личного пространства» (объясняет 7,365 % дисперсии), репрезентован следующими признаками: «Я скорее предпочту чтение интересной книги или пойду в кино, чем проведу время на вечеринке» (0,775), «Я скорее отдам предпочтение отдыху подальше от людей, чем на оживлённом курорте» (0,732), «Вечер, проведённый за любимым занятием, привлекает меня больше, чем оживлённая вечеринка» (0,728). Содержание этого фактора свидетельствует о недоверии, об ослаблении социальных связей, уходе от активного участия в социальной жизни, об «интимизации личного пространства» как способе обезопасить себя от чрезмерных групповых ожиданий. Структура фактора обнаруживает тесную связь с групповым эффектом «мы и они», хотя в данном случае наблюдается отстранённость даже от «своих». В этих характеристиках отражаются тенденции современности: растущие индивидуалистические ориентации молодёжи, её отстранённость от решения общих социальных задач. Процесс интимизации может также действовать как адаптивный процесс, так как иногда помогает достижению чувства психологической защищённости в социальном пространстве, воспринимаемом субъектом как чуждое.

Четвёртый фактор, названный «отрицание критики» (объясняет 7,079 % дисперсии), содержит следующие признаки: «Я болезненно воспринимаю критику в свой адрес» (0,732), «Я долго переживаю, если посторонний человек нелестно высказался в мой адрес» (0,719), «Меня бы очень задело, если бы мой близкий друг стал перечить мне при посторонних» (0,656). Эти признаки обнаруживают потребность достижения психологического комфорта путём отрицания стрессовой ситуации или её причины. Соппротивление состоит в стремлении избежать оценки, несовместимой с представлениями о себе, о референтной группе.

Пятый фактор «пренебрежение другими» (объясняет 6,991 % дисперсии) включает следующие признаки: «Причуды большинства людей трудно вытерпеть» (0,745), «Люди думают только о себе», (0,705), «Все люди необоснованно озлоблены» (0,681). Взаимосвязь этих признаков в границах фактора свидетельствует о превосходстве, предвзятости и даже пренебрежении «другими», их потребностями, проблемами. Структура фактора отражает эгоцентричное сосредоточение на собственном «Я», а в межгрупповых отношениях фиксацию на «Мы».

Шестой фактор «обесценивание отношений» (объясняет 6,469 % дисперсии) содержит следующие признаки: «Случалось, что я воспользовался оплошностью другого человека» (0,805), «Я не всегда внимательно слушаю собеседника, кем бы он ни был» (0,654), «Иногда я люблю позлословить об отсутствующих» (0,651). Как и в предыдущем случае, признаки указывают на обесценивание человеческих отношений, что отражает проявление эго-защиты относительно как «чужой», так и «своей» группы.

Седьмой фактор «атрибутивная эмпатия» (объясняет 5,775 % дисперсии) репрезентован следующими признаками: «Мне нравится наблюдать за выражением лиц и поведением незнакомых людей» (0,774), «Глядя на постороннего человека, мне хочется угадать, как сложится его жизнь» (0,669), «Мне нравится размышлять о причинах успехов и неудач других людей» (0,564). Структура фактора представляет собой сочетание двух психологических явлений: эмпатии, которая актуализируется в условиях незнакомого окружения, или этнической разобщённости, и каузальной атрибуции. Атрибутирование предопределяет основные тенденции дискредитации аутгрупп и поддержку «самообслуживающего предубеждения»: собственные успехи объясняются своими достоинствами, а неудачи сложившимися обстоятельствами [10, с. 412–419].

Для определения уровня проявления факторов в этнолингвистических группах их Z-баллы в виде регрессионных переменных были подвергнуты ранжированию на низкий и высокий ранги. Затем была создана новая переменная, включившая в себя признаки этнической принадлежности и языка, предпочитаемого в неформальном общении, и осуществлено соотнесение сохранённых рангов и новой переменной – этнолингвистического признака, с помощью кросстабуляции. Полученные результаты указывают на долевое распределение представителей определённой этнолингвистической группы и низкий или высокий уровень проявления каждого фактора в каждой из указанных групп (рис. 1–5). Для определения меры согласия был применён критерий χ^2 , указывающий на закономерность распределения переменных. Для определения уровня зависимости каждого фактора от этнолингвистического признака был применён критерий λ .

Для сравнения распределения средних показателей рангов выделенных факторов в этнолингвистических группах была построена кластеризованная линейная модель с помощью процедуры MANOVA (рис. 6).

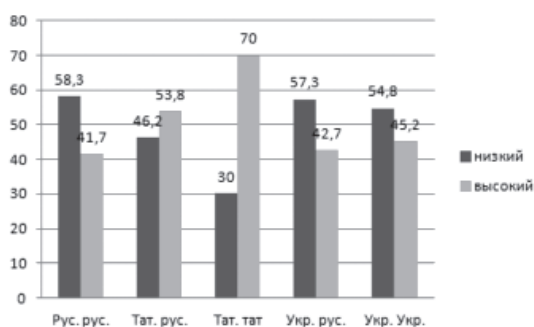

Рис. 1. Распределение проявления фактора «коммуникативная вовлечённость» среди этнолингвистических групп (%)

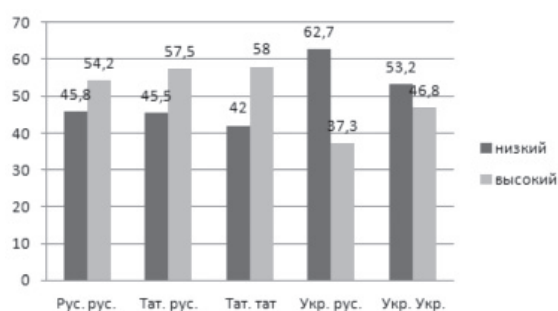

Рис. 2. Распределение проявления фактора «интимизация личного пространства» среди этнолингвистических групп (%)

В качестве критерия значимости разности средних был применён критерий Бонферрони как наиболее чувствительный к количеству измерений.

Обращает на себя внимание то, что особенно сильно фактор «коммуникативная вовлечённость» проявляется в группе татароязычных крымских татар (рис. 1). Двухязычие русскоязычных крымских татар и русскоязычных украинцев оказывается более адаптивной формой речевого поведения для поддержания статуса соответствующего их представлениям о достойном положении своего этноса. Их профиль проявления данного фактора более уравновешен и оптимален по сравнению с татароязычными крымскими татарами и русскоязычными русскими. Критерий

χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,1$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6.) между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$, татароязычными крымскими татарами и украиноязычными украинцами на уровне $p \leq 0,1$, русскоязычными украинцами и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

В поле проявления фактора «интимизация личного пространства» (рис. 2) наблюдается достаточно однородная структура распределения процентов, за исключением русскоязычных украинцев, у которых достаточно низкий уровень его проявления. Их тенденция к экстимизации личного пространства [6] представляет собой выраженную демонстративность, стремление к повышенному вниманию к себе и «своей» группе. Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,1$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,05$.

В рамках действия фактора «пренебрежение другими» (рис. 3) обнаруживается прямо противоположная картина долевого распределения в группах русскоязычных русских и украиноязычных украинцев. Довольно высокий уровень пренебрежения другими в группе русских может быть связан с ингрупповым фаворитизмом и аутгрупповой дискриминацией. В группе украиноязычных украинцев наблюдается достаточно низкий уровень пренебрежения другими, очевидно связанный с приобретением в постсоветский период большей уверенности в своём статусе и групповой безопасности. Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6.) между русскоязычными русскими и украиноязычными украинцами на уровне $p \leq 0,01$.

В поле проявлений фактора «обесценивание отношений» (рис. 4) наблюдается заметная тенденция – в славяноязычных группах повышен уровень его проявления, причём в группе русских – значительное. В обеих группах крымских татар – противоположная картина: уровень проявления данного фактора снижен, причём у татароязычных крымских татар – значительно, что, вероятно, исторически детерминировано длительным пребыванием крымских татар в статусе социально неодобряемых. Это обусловило использование ими межличностных отношений как ресурса для выживания, а доминирование славяноязычных групп создало для славян условия ингрупповой конкуренции.

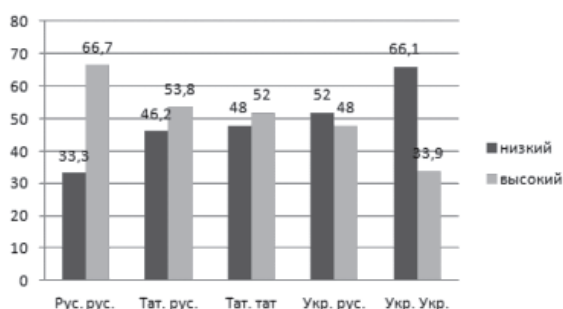

Рис. 3. Распределение проявления фактора «пренебрежение другими» среди этнолингвистических групп (%)

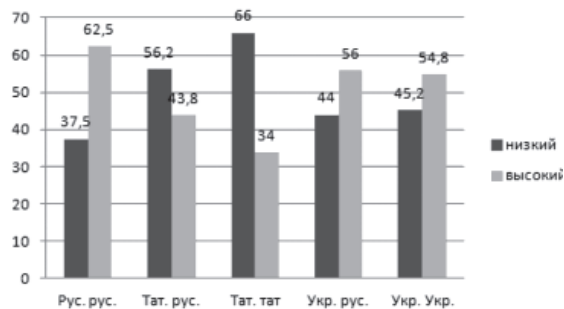

Рис. 4. Распределение проявления фактора «обесценивание отношений» среди этнолингвистических групп (%)

Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6) между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

Довольно низкий уровень проявления фактора «атрибутивная эмпатия» (рис. 5) в группе русскоязычных русских указывают на замкнутость, негативизм. Достаточно высокий уровень его проявления у русскоязычных крымских татар свидетельствует об актуализированной потребности адаптации к изменённой среде и ассимилятивных тенденциях в рамках этого процесса. Необходимость достичь взаимопонимания с «местными» заставляет крымских татар не только использовать чужой язык и оперировать чужим культурным кодом, а также присваивать

чужие традиции, создавая более благоприятные условия существования за счёт частичной ассимиляции в инокультурной среде. Критерий χ^2 значим на уровне $p = 0,01$. Критерий λ , на уровне $p = 0,01$.

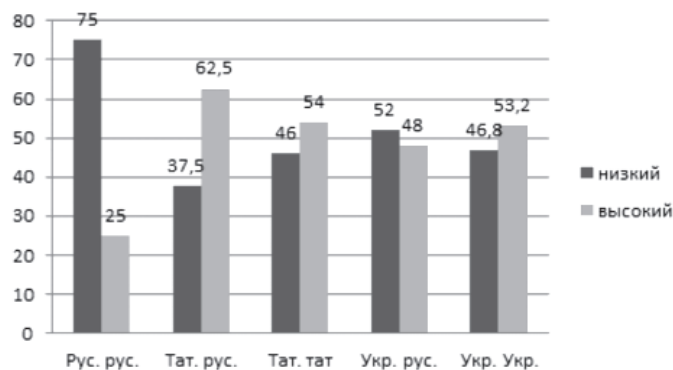

Рис. 5. Распределение проявления фактора «атрибутивная эмпатия» среди этнолингвистических групп (%)

Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6) между русскоязычными русскими и русскоязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,01$, между украиноязычными украинцами и русскоязычными русскими на уровне $p \leq 0,05$, между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

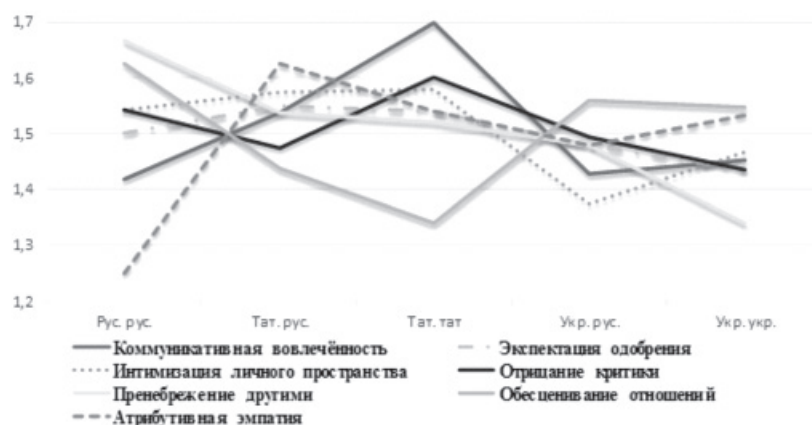

Рис. 6. Распределение средних рангов проявления выделенных факторов в этнолингвистических общностях

Приведённый график демонстрирует, что консолидация кривых приходится на группы русскоязычных крымских татар и русскоязычных украинцев. Это свидетельствует об их более адаптивном поведении, оптимизации действия выявленных факторов. Наибольший разброс средних значений наблюдается в группах русских и татароязычных крымских татар, что указывает на дисбаланс в этих проявлениях.

«Коммуникативная вовлечённость» сильнее проявилась в группе татароязычных крымских татар и слабее в обеих группах украинцев и русскоязычных россиян; фактор «интимизация личного пространства» является наиболее характерным для обеих групп крымских татар и русскоязычных русских, и слабо проявляется в группе русскоязычных украинцев; фактор «пренебрежение другими» сильнее проявляется в группе русских, а слабее – в группе украиноязычных украинцев, для славяноязычных групп характерен фактор «обесценивание отношений», в отличие от групп крымских татар; фактор «атрибутивная эмпатия» сильнее проявляется в группе русскоязычных крымских татар, и значительно слабее – в группе русских.

Наблюдающаяся в обеих группах крымских татар и группе русских тенденция к интимизации личного пространства может быть объяснена ощущением себя якобы «чужими» в изменившемся социальном пространстве и неосознаваемом опасении неспособности отстоять свою позицию в процессах «переконструирования общества». Такому состоянию присуща сверхкомпенсация в виде неестественно самоуверенного поведения.

Из приведённых данных можно сделать вывод об этнонациональном своеобразии проявления коммуникативно-перцептивных процессов. Выявленные факторы актуализируются в ситуации взаимодействия различных общностей в социуме (национальных, этнических, языковых, с разноразновесными статусами и степенью социальной уязвимости) в различных социальных условиях, между различными убеждениями, системами ценностей, нравственными нормами, привычками, традициями.

Библиографический список

1. Васютинський В. О. Психологічні виміри спільноти : монографія / Вадим Васютинський. – К. : Золоті ворота, 2010. – С. 5–20.
2. Голота А. С. Соціально-психологічні особливості етнонаціональної ідентичності українсько-російських білінгвів : автореф. ... на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук : спец. 19.00.05 / Голота Анастасія Сергеевна. – К., 2012. – 18 с.
3. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности / А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 75–86.
4. Слюсаревський М. М. Люзії і колізії: нариси, статті, інтерв'ю на теми політичної та етнічної психології. – К. : Гнозис, 1998. – С. 58–81.
5. Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности [Электронный ресурс]. – М. : Флогистон, 1999. URL: <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>
6. Татенко В. О. Світ інтимного життя як предмет психологічного дослідження // Наукові студії із соціальної та політичної психології: зб. статей. – К. : Міленіум, 2010. – Вип. 24 (27). – С. 3–19.
7. Тьонніс Ф. Спільнота і суспільство. Основні поняття чистої соціології / пер. з нім. – К. : Дух і літера, 2005. – С. 17–18.
8. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
9. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : уч. пос. / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. – Самара, 2001. – С. 635–636.
10. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию : уч. пос. для вузов. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.

© Белавин С. П.